

## СУБЪЕКТИВНОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ: РАННИЙ СОВЕТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

**Марк Масскальк** – доктор философских наук, директор Центра Философии Права и Профессор Высшего Института Философии. Католический университет Лувена. Монтескьё плац, Коллеж Томас Мор 2, bte L2.07.01, Louvain-la-Neuve, 1348, Бельгия; e-mail: marc.maeschalck@uclouvain.be

**Олег Берназ** – доктор философских наук, PostDoc в области философии в Центре Философии Права. Католический университет Лувена. Монтескьё плац, Коллеж Томас Мор 2, bte L2.07.01, Louvain-la-Neuve, 1348, Бельгия; e-mail: oleg.bernaz@uclouvain.be

Философский анализ в статье проводится на двух взаимосвязанных уровнях. Прежде всего на уровне эпистемологии рассматриваются фундаментальные понятия течений внутри лингвистического структурализма, которые объединяются под общим названием «ранний структурализм», в историческом контексте раннесоветского периода, чтобы затем выяснить их значение в рамках теорий действия, социальной и политической философии как в Европе, так и в (пост)колониальном мире. Согласно главной гипотезе авторов, язык – это указатель социальных интересов, чья взаимосвязь меняется в зависимости от властных отношений, которые, в свою очередь, косвенно влияют на язык.

**Ключевые слова:** нормативность, структурализм, эпистема, фонология, геолингвистика



## SUBJECTIVITY AND NORMATIVITY IN THE EARLY SOVIET RUSSIAN STRUCTURALISM

**Marc Maeschalck** – DSc in Philosophy, director of the Center for the Philosophy of Law and Professor at the Higher Institute for Philosophy. Catholic University of Louvain. Place Montesquieu, College Thomas More 2, bte L2.07.01, Louvain-la-Neuve, 1348, Belgium; e-mail: marc.maeschalck@uclouvain.be

**Oleg Bernaz** – DSc in Philosophy, postdoctoral researcher in the Center for Philosophy of Law. Catholic University of Louvain. Place Montesquieu, College Thomas

In this paper, our analysis lays on two different levels. Firstly, we discuss the central concepts of the early Russian structuralism within an epistemological framework focusing on the way in which linguistic knowledge is structured. In order to achieve this goal, we mobilize the concept of episteme developed by Michel Foucault in his works *The Order of Things* (1966) and *The Archaeology of Knowledge* (1969). This Foucauldian approach leads us to highlight a new episteme which is different from those that Foucault described in the *Order of Things*. Secondly, we analyze the political and social implications of this epistemological approach in the context of European and (post)colonial history. We highlight the material “action” of the linguistic knowledge under discussion. This second dimension of our approach is important insofar it represents a critic of the idea according to which the theoretical knowledge is separated from praxis. Our hypothesis is that the language constitutes a marker of particular social interests, which are overdetermined by power relations.

**Keywords:** subjectivity, normativity, structuralism, episteme, phonology, geo-linguistics



More 2, bte L2.07.01, Louvain-la-Neuve, 1348, Belgium;  
e-mail: oleg.bernaz@uclouvain.be

## Что такое «ранний структурализм»?

Структурализм играл важнейшую роль в гуманитарных науках и философии с середины 1950-х [Lévi-Strauss, 1957] до середины 1970-х [Piaget, 1975; Ducroix, 1973] годов. Помимо работ Леви-Стросса и Лакана, достаточно упомянуть Альтюссера и его новое прочтение Маркса, а также Фуко, Барта, Греймаса и Тодорова [Corvez, 1969; Dosse, 1991–1992]. Однако сегодня об этом направлении современной мысли судят скорее косвенно, отсылая к т. н. постструктурализму, который, как считается, объединяет столь разные фигуры как Делёз, Бодрийяр и Деррида, таких социальных мыслителей? как Лаклау или Батлер, и даже теоретиков рефлексивной современности, в числе которых называют Гиденса, Лакса и Бека [Angermüller, 2013; Milner 2008]. Принято считать, что истоки этого течения следует искать, с одной стороны, в философии языка XX в., точнее – в развитии идей де Соссюра, которое можно найти в работах Романа Якобсона и, с другой – в марксистской эстетической теории 1960-х гг. (в частности в работах Гольдмана [Goldman, 1966]). Несмотря на это, в исследовательской литературе до сих пор уделялось недостаточно внимания тем интеллектуальным влияниям, которые испытал на себе молодой Якобсон, так и марксистской эстетической теории, которые получили свое развитие в раннесоветский период и сопровождались острой полемикой лингвистического и исторического материализма с идеями де Соссюра и русского формализма [Troubetzkoy, 2005; Поливанов, 1931]. Так, например, в самом начале 1950-х Марсель Коэн [Cohen, 1950, p. 129] выдвигает на первый план знаменитую сталинскую критику лингвистической теории Марра, ни словом не обмолвившись о роли Пражского лингвистического кружка – ключевого элемента того движения, которое мы будем называть ранним структурализмом.

Представители «протоструктуралистского» движения в раннесоветский период были активно вовлечены в проект создания новой языковой политики или, используя характерное выражение той эпохи, «языкового строительства». Целью этого проекта было не только создание равноправного союза различных республик, в которых шли активные процессы социального преобразования [Sériot, Friedrich, 2008; Blinov, 2016], но и предоставление им гарантий культурного разнообразия в рамках нового политического объединения [Smith 1998]. Риски подобного проекта были очевидны: ставя вопрос о сближении различных советских республик, находящихся в процессе социальной трансформа-



ции, русские интеллектуалы (по культуре, а не по происхождению) и политические руководители стремились выработать новую коллективную идентичность, выходящую за рамки западного модерна. В своих первых работах о евразийском союзе языков Николай Трубецкой развивал идею о том, что объединение многонациональных культур Советского Союза может быть осмыслено только исходя из представлений о прогрессе, уже выработанных европейской культурой (со всем ее эгоцентризмом [Troubetzkoy, 1996, p. 54]). С точки зрения Ленина [Нетов, 2010], лингвисты и этнографы должны были сыграть важную роль в этом геополитическом процессе. Именно поэтому стоит обратить внимание на школу лингвистической географии Пражского кружка с ее исследовательской программой, основанной на анализе «живых» структур языков, в частности, фонологии [Matejka, 1988, p. 219–227]. Изучая фонологические структуры языка, Трубецкой [Troubetzkoy 2005], а также ранний Якобсон [Jakobson, 1962] намереваются создать карту структурных связей, которые смогли бы дать материальное содержание политике объединения, подчиненной идее исторического развития.

Одновременно с работами по лингвистической географии складывается новая эпистемология языка. В рамках этой дисциплины такие авторы, как Волошинов [Волошинов, 2010] и Якубинский [Якубинский, 1924], уделяют внимание структуре, позволяющей языку внедрить Другого в систему оценок и взаимодействий, косвенной речи. Для Волошинова оценочная структура языка оказывается более значимой, чем фоновая, состоящая из законченного единства правил значения [Волошинов, 2010, с. 342]. Ей свойственно повторяться, а оценка всегда является уникальным событием, которое не повторяется и включает в себя интерес другого и укоренено в нем.

В дальнейшем прояснится тот факт, что вместе с такого рода динамическим структурализмом эта лингвистическая теория привносит с собой и эпистемологию развития мысли в рамках речи, разработке которой и посвятит всю свою карьеру Выготский [Выготский, 1934]. В мышлении каждого говорящего косвенная речь представляет собой, в соответствии со своей специфической структурой, «зону ближайшего развития» [Выготский, 1934, с. 220], которая предшествует способности концептуальной формализации. Косвенная речь подготавливает основу для этой способности путем структурного повторения – повторения, которое исходило бы из неизбежной разобоченности оценок и преодолеvalo бы её.

Итак, от раннего советского структурализма происходят три направления: лингвистическая география с ее структурой объединения языков [Jakobson, 1962], историческая фонология с ее структурой обозначения материального интереса речи [Troubetzkoy, 2005], лингвистическая философия действия с ее структурой внедрения темы другого [Волошинов, 2010], которая открывает перспективу для теории развития мышления [Выготский, 1934].



## Как реконструировать эпистему раннего структурализма?

Помимо ключевых авторов 1960-х гг., развивавших тематику структуралистской социальной теории, используя различные источники из области структурной антропологии и психоанализа (Гольдман, Себаг и Альтюссер), во франкоязычных исследованиях к этому направлению можно отнести основные работы Патрика Серио [Sériot, 2012] и Жан-Жака Лесеркля [Lecerclé, 2004]. Эти **первостепенные источники** можно дополнить исследованиями историков лингвистики, посвященными Якобсону [Percival, 2011] или исторической фонологии [Honeybone, Salmons 2015; Tobin 1988]. **Новейшие исследования лингвистической и культурной политики раннесоветского периода** [Brandist, 2015] демонстрируют значимость лингвистической географии [Smith, 1998; Nemour, 2010]. **Наконец, проведенные в Тулузе [Bénédicté, Comtet 2008] литературоведческие исследования наследия лингвиста Бодуэна де Куртенэ** (которое можно найти прежде всего в работах таких его учеников, как Евгений Поливанов и Лев Якубинский, а также в социологической поэтике Павла Медведева) позволяют лучше понять социальную важность теорий Волошинова и Выготского.

В этой части нашей статьи для анализа раннесоветского структурализма мы используем понятие эпистемы [Foucault, 1966; Paltrinieri, 2012, p. 137–145], хотя его отличия от центральных понятий, введенных Фуко в *Словах и вещах*, весьма существенны. В эпоху Возрождения выстраивается порядок, основанный на сходстве, или на соответствии, соперничестве, аналогии и симпатии [Foucault, 1966, p. 32–38]. Эта структура встречается в исследованиях языка в виде концепции истины как адекватности вещам, согласно форме, содержанию и системе отношений. Классическая эпоха заменяет интерпретацию сходств анализом и мерой, которые, подобно *mathesis universalis*, приводят к общему единству «благодаря порядку, тождеству и ряду отличий» [Foucault, 1966, p. 69]. В области языка это единство заключено в знаке, который сам по себе есть единство: единство представления вещи мыслящей и вещи, которая становится предметом мышления. Эпистема Нового времени привносит разрывы, пролегающие между разными формами жизни, становится заметной своеобразное противостояние импульсов, в котором жизненная сила и угроза смерти противопоставлены друг другу на большом временном промежутке, в котором кризис и регресс представляют собой нестабильные принципы онтологии дикой природы. В свою очередь, в филологии слово может совершить нечто вроде «прыжка назад, за рамки функции представления» [Foucault, 1966, p. 293], чтобы утвердиться в нестабильности звучащего слова или фонемы. Живой язык является одно-



временно сплавом случайных комбинаций и органической системой роста, позволяющей ассимилировать случайные связи за счет системы флексий (опирающейся на основы) [Foucault, 1966, p. 296].

В Новое время становится очевидно, что элементы, которые позволяют понять произношение и изменения звучания основ, т. е. живое отклонение от лингвистической матрицы, нужно искать внутри самого языка. На смену речи, представлявшей мысль, пришла речь, которая выражает желания субъектов действия. Она начала пониматься как своего рода мелодическое выражение неустойчивого желания коллективного субъекта [Foucault, 1966, p. 306]. Но работы Пражского кружка вносят в этот процесс нечто радикально новое, в рамках этой эпистемы, «языки соответствуют не желанию народа, а их структурному окружению» [Bernaz, 2016, p. 132].

Это новая эпистема предполагает процесс сборки разрозненных элементов, структурированных исходя из адаптации к их жизненной среде. Наблюдая за средой развития местного населения, за территорией или ареалом обитания можно выявить те особенности адаптации, которые определяют правила устройства диалектологических особенностей произношения. Чтобы придать развитию нужную направленность, требуется создать *объединения* или *союзы* на основе детального изучения территориальных особенностей, отдавая предпочтение *структурным единствам* (объединяющим большие города, сельские или индустриальные зоны, университетские и технологические центры и т. д. [Bernaz, 2016, p. 118–121]). Рассматривая эту эпистему в свете современной био-власти, можно сказать, что структурные конвергенции определяют поведение народов и создают матрицы значений, делающие возможным взаимопонимание, необходимое для сближения.

В конце 1920-х гг. эта языковая политика вписывается в диалектический процесс, согласно которому политическая автономия является необходимым шагом к эмансипации рабочего класса. Она была задумана как инструмент для утверждения силы нового гегемона исторического порядка. Но в этом диалектическом взгляде на гегемонию есть парадоксальный аспект, т. к. новый гегемон проходит стадию самоутверждения, автономизации и национального самоопределения в противостоянии со старой властью и её транснациональными союзниками. Непосредственным результатом этих рассуждений стало использование ленинской политики позитивной дискриминации для формулировки советской языковой политики первых лет советской власти (1917–1930). Эта политика стремилась не «использовать языки прежде всего в целях пропаганды», а декларировала принцип, согласно которому «все языки должны быть равны, статус официального языка не может быть предоставлен ни одному из языков, все народы имеют равные права и могут распоряжаться сами собою, обучение на



родном языке должно быть гарантировано всем советским гражданам и все имеют право потребовать возмещение при любом нарушении этого равноправия» [Hemour, 2010, p. 27; Grenoble, 2003, p. 36].

Необходимо проанализировать эпистемологический аспект новой динамики, которая в XX в. приходит на смену характерному для Нового времени представлению об языке как ферменте, укрепляющем национальное единство путем установления субъектов с «общей речью» (нас определяют те лингвистические вариации, в рамках которых мы мыслим). Язык теперь рассматривается не как основа внутреннего единства, а как принцип единства внешнего: составить грамматику, контролировать орфографическую систему и форму транскрипции устной речи, различать и классифицировать фонологические практики – значит не только создавать ориентированные вовне зоны развития масс, но и воспитывать их самосознание.

## **Политическая значимость реконструкции раннего структурализма**

Теперь мы лучше понимаем, что этот особый период в истории идей представляет интерес не только политического, но и *деколониально-го* характера, в той мере, в какой задача по реконструкции эпистемы позволяет нам точнее распознать структуру колониальной матрицы власти, которая господствовала в XX в. и помогала ей выстроить политическую фикцию, сопровождавшую репрессивные режимы контроля как над практикой, так и над знаниями.

**С одной стороны, ранний структурализм придает языку в качестве того, что обусловлено его контекстом или в качестве осмысленного означающего основную социо-политическую функцию: быть указателем общественной выгоды, прямо зависящим от структур высказывания. Кроме того, он позволяет анализировать условия единства тех, кто произносит высказывание, и наметить эпистемические условия возможного переворота практики в направлении идеологической доминанты, которая зафиксировывает, что значит быть «общим». Начнем с первого аспекта: указание общественной выгоды.**

Манера речи, «способ говорить» различает и перераспределяет социальные отношения. Никогда этот простейший опыт не был столь очевиден, как в случае миноритарных языков, отмеченные печатью колониализма. В целях выражения этим языкам постоянно требуется прибегать к принуждению: их фундаментальная поэтическая структура обусловлена связью, сила которой создает ситуацию, когда они постоянно находятся «в избытке по отношению к самим себе», даже при том, что они зачастую сведены к второстепенному, локальному



существованию. Даже доминирующие языки власти кодируя, например, административные постановления, стремятся полностью нейтрализовать эффекты этого различия и дискредитировать его, чтобы полностью его устранить. В связи с этим простое применение того или иного «способа говорить» оказывается учитывающей избыточную интенсивность его фонологической структуры – непосредственно политическим и коллективным. Результат, структурально обусловленный этой силой принуждения, удивителен тем, что доминирующий язык встречает сопротивление в процессе принижения другого языка, причем сопротивление с самой неожиданной стороны.

Таким образом миноритарные языки могут производить особый эффект в тех социальных средах, где еще имеет смысл оспаривать текущее положение дел (где процесс отмирания еще не зашел слишком далеко, что можно определить только фонологическим образом); миноритарные языки способны прямо напоминать субъекту о его не-тождественности. Вне всякого сомнения, это один из наиболее парадоксальных феноменов миноритарных языков. Налицо случаи, когда языковой процесс, в который включены доминирующие языки, сам разоблачает воображаемые отношения между языком и происхождением, создающим идентичность, как нечто устаревшее и выходящее из употребления. В этих случаях употребление миноритарного языка (говорящие на котором не обязательно являются меньшинством в арифметическом смысле) противоречит воображаемому принципу идентификации, связанному фиктивным социальным единством. Оно противоречит ему на уровне структуры высказывания и указывает на субъект как на часть некое разорванное целое, лишенное всякой возможности сослаться на первичный опыт, позволяющий гарантировать самоидентичность субъекта (ретроактивно или в перспективе). В этом и состоит сила фонологического разрыва: нынешнее употребление миноризированного языка не может довольствоваться идеалом золотого века до катастрофы, равно как и не может гарантировать другое посттравматическое будущее, в том случае, если эффект миноризации будет преодолен.

Чтобы понять, какой «способ говорить» характерен для школьного урока, для группы подростков, для разговора продавщиц между собой, для буржуа, обращающегося к своей прислуге, для мастера, говорящего с рабочими, для пожилых людей, обсуждающих последние события, необходимо, следуя рекомендации Jakobsona, фиксировать внимание на структурной близости этих различных фонологических систем. Единство, которое в нем проявляется, зависит от пересечения значений, переплетения интересов в пространстве, с которым соседствуют разрывы.

Следуя схеме раннего советского структурализма, стоит уточнить, что речь идет об общем недовольстве, в основе которого лежит структурная близость миноризированных выражений; это позволяет



не только сопоставить затруднения, которые вызывают эту миноризацию, но и распознать родственные стратегии расстановки языковых маркеров, схожие способы обращения. Таким образом возникает возможность перемещаться от одной не-тождественности к другой, благодаря этой структурной близости приводится в действие некий алгоритм, позволяющий перейти к другим режимам напряженности или недовольства...

Именно в этом вопросе главную роль играет связь между фонологией, лежащей основе раннего структурализма, и пересмотром марксистской эпистемологии языка, инициированного такими исследователями, как Волошинов и Поливанов (как, впрочем, и Якубинский [Якубинский, 1923, с. 96–194] или Лурия [Лурия, 1925, с. 47–80]). Взаимосвязь *не-тождественности*, связанной со структурами интенсивности миноризированных фонологических выражений, и *повторяемости* позволяет построить теорию структуры высказывания, основанную на различении воспроизводимости и повтора. Если мы рассмотрим все те синтаксические, семантические и прагматические правила, которые используем, производя значение (следуя уже выявленным Соссюром условиям взаимодействия означающего и означаемого), то мы заметим, что функция всех этих правил состоит в том, чтобы гарантировать существование повторяемой (фонетической) базы фонологического аппарата. Но высказываться, говорить, осуществлять коммуникацию – значит превышать индексальный уровень логической самореференции, убеждаясь в правильности высказываний и их возможных результатов, чтобы оценить деятельность другого, расставить исторические акценты. А это может произойти только в том случае, если все последующие повторения смогут достигнуть некоторой «критической массы», что, впрочем, не отменяет необратимость языкового события.

Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. *Слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением.* Как такое мы его понимаем и лишь на такое, задевающее нас идеологически или жизненно, слово мы отвечаем [Волошинов, 2010, с. 262].

Здесь мы подходим к проблеме взаимодействия доминирующего языка с миноризированным языком, который «проговаривает жизнь». Даже несмотря на то, что он отодвинут на задний план, маргинализован, его простое повторение, с учетом его единства, остается своего рода вызовом, поскольку его нельзя просто стереть. Язык отмечает значение событийным образом, т. е. в единичной, неповторимой структуре. Он придает событию маркер интенсивности. Особенность этого маркера интенсивности состоит в том, что он складывается из





отношений не-тождественности множества повторяемых правил и акта маркирования интенсивности, оценки – акта, который является неповторимым. Акт высказывания находится таким образом на стыке однократного повтора и многократного повторения. Впрочем, Волошинов указывает, что для того, чтобы лучше понять эту связь, необходимо перейти к анализу косвенной речи. Именно на этом уровне и разыгрывается передача речи другого. Некоторые исследователи стремятся подчинять однократный повтор многократному повторению таким образом, чтобы зафиксировать смысл слов автора и избежать его полисемического распыления на другие социальные маркеры, а не на те, на которые он пытался указать. Другие, наоборот, стремятся подчинить многократное повторение однократному повтору, чтобы объективно зафиксировать исключительно абстрактную систему маркировки значения, диалектическую интерпретацию, которую требуется всякий раз адаптировать к конкретному случаю и теорию микро-власти, которую требуется всякий раз выстраивать, теорию биополитики, которую требуется подстроить под конкретную ситуацию и т. д. Для Волошинова важна именно эта фундаментальная связь между оценкой и ее смысловым контекстом.

Эта эпистемологическая схема примет другой вид, если мы рассмотрим ее через призму идей Выготского, в особенности периода *Мышления и речи*. Стоит обратиться к становлению психологии развития (в ту эпоху еще структуралистского типа), прежде всего потому, что Выготский расширяет анализ косвенной речи до внутренней речи [Выготский, 1934, с. 315–316]. Речь другого становится отдельной темой, особенно в том, что касается речи, которая выстраивается и развивается в становлении мышления, в становлении путем маркировки его интереса. Для педагога значимость этого процесса могла бы оказаться решающей, хотя бы потому, что он, по крайней мере, позволяет узнать, что значит вступать во взаимодействие со становлением мышления, если о таком взаимодействии вообще имеет смысл вести речь. Имеется в виду внутренняя передача силы однократного повтора. В исследованиях Выготского подчеркиваются роль, которую играет промежуточная зона взаимодействия двух агентов речи, ведь именно этой перспективы нам до сих пор не хватало [Выготский, 1934, с. 321]. **Перед нами разыгрывается процесс обретения способности к маркировке социального интереса через высказывание оригинальной оценки, соединяющей в самом факте речи смысл и значение.** В этом процессе не-тождественность субъекта высказывания (в миноризированных языках и их нестандартном использовании она скорее привязана к аффектам, чем к правилам значения) может выражаться в психо-когнитивном развитии как промежуточная зона, внутри которой оценка принимает свою концептуальную (или «спекулятивную») форму. Для Выготского событие оценки (в уникально-



сти той силы субъективирующей маркировки, которая ему присуща) не дано субъекту спонтанно и разом. Оно выстраивается изнутри, а с внешней реальностью оно сопряжено только аппроксимативно и случайным образом [Выготский, 1934, с. 316]. С этой точки зрения однократный повтор зависит от другого разделения, которое делает возможным разделение, присущее языку как не-тождественность означающего субъекта высказывания. Суждение постепенно становится возможным, благодаря дистанцированию режима восприятия и режима передачи сигнала [Выготский, 1934, с. 128–129]. «От меня», затем «ко мне» – объектное отношение, и в этом смысле оно имеет очень мало общего с развитием концептуальной речи. Критическая точка достигается за счет установления связи с окружением или с когнитивным контекстом, включающим плюральную онтологию сущих образующих «ситуацию» [Выготский, 1934, с. 129–131]. Понятие отличает то, что в ходе использования его можно дистанцировать от ситуации характерного употребления ради такого использования, при котором конкретная ситуация его применения могла бы варьироваться. Выготского больше всего интересует момент, когда говорящий примеряет на себя слова, вызванные ситуацией, и момент, когда его речь оказывается транс-ситуативной [Выготский, 1934, с. 155–156]. Эта поворотная точка имеет прямое отношение к оппозиции «многократная повторяемость – однократный повтор», выделенной Волошиновым. Однако подход, разработанный в рамках психологии развития Выготского позволяет связать эту оппозицию с другой: оппозицией познания в ситуации и познания, определяющего ситуацию, подчиненности ситуации и ссылкой на ситуацию [Выготский, 1934, с. 156]. Многие элементы этой схемы теперь необходимо прояснять заново. Так, например, в развитии судебной власти (даже в самом ее формировании как многократно повторяемого правила) существует промежуточная зона, где появляются слова, способные «назвать ситуацию», т. е. отличительным образом маркировать интенсивность смысла, в зависимости от социальных интересов; однако в действительности эти слова совершенно неотделимы от данной ситуации для тех, кто их высказывает. В схеме Выготского важнее всего то, что речь не идет о применении правил генерализации, универсализации интересов в случае хорошо продуманного решения и т. п., просто потому что речь еще не идет о понятиях. Это своего рода псевдо-понятия [Выготский, 1934, с. 129], они приобретаются за счет способности к формализации, напрямую связанной с эффектом, который производит смысл в рамках процесса познания, другими словами, за счет внедрения уникального и маркированного в личной истории смысла. Эти псевдо-понятия тем более важны, поскольку они занимают пограничное положение точки перехода, что позволяет отделить ситуацию стимула от субъективирующей транс-ситуационной силы. Но данный процесс



имеет место только в том случае, если переход еще не был осуществлён. Псевдо-понятия работают как концептуальные формы в рамках ситуации [Выготский, 1934, с. 131]. Их провоцирующая сила заставляет сопоставлять знание и ситуацию. Это происходит в том случае, если они принимаются за истину, вместо того чтобы распознать, что они являются только первой фонологической аппроксимацией оценки, которую пока еще невозможно утвердить в качестве верной [Выготский, 1934, с. 131–132].

## **Заключение. Вопрос о «марксистской геолингвистике»**

В заключение нам хочется отметить, что основные положения раннего советского структурализма указывают на необходимость фундаментальной переформулировки, если не полного пересмотра, марксистской теории истории. Последняя, как известно, основывалась на трех ключевых элементах, которые рассматривались как материальный фундамент истории: производственные отношения; научный метод: диалектическое предвосхищение того, как противоречия влекут за собой распад социальной целостности; практический процесс (праксис), состоящий в том, чтобы расшатывать социальное целое, исходя из субъекта, находящегося в процессе становления и способного подготовить социальную революцию. На пути реализации подобной программы лингвисты столкнулись с непредвиденными препятствиями: отчуждением, воспроизведением социальных отношений в форме субъективности, увязшей в опредмечивании своего желания, бессилием элит.

Бессилие элит выливается в абстрактное конструирование или моделирование изменений; формулируется закон истории, который должен проявиться в фонетической сопровождающей действия, и тем самым выразить метасоциальное значение общеразделяемого опыта.

Отсюда следует вывод о том, что сознание масс, погруженных в идеологическую среду и замкнутых в ней, сведено до набора изолированных сознаний.

Распространение всякой революционной науки превращается в прямолинейное изложение учения классиков, например: «Согласно Марксу, пролетариат – это...» и т. д.

Таким образом, фонологическая деконструкция этой мистификации становится неизбежным этапом в понимании смысла, который следует приписать коллективному процессу эмансипации. Вопрос не в том, чтобы узнать, есть ли у него какой-то конкретный смысл; куда более радикальным оказывается вопрос: при каких практических условиях этот процесс вообще может стать осмысленным?



Важно подчеркнуть, что материальная реальность конституируется самой идеологией, придающей смысл производственным отношениям, встраивающей их в языковые структуры: политик, эксперт или богатый наделенный властью говорит на языке, который подчеркивает его социальный интерес. Его способ говорить определяет функциональную совокупность, которая позволяет сознанию, приобретшему навыки речи, ретроактивно рассмотреть язык как подчиненный законам развития. Без исходного понимания этих фонологических свойств отчуждения, различие не может найти места в высказывании, т. к. его привносит повторение. Между тем высказывание различия и, наоборот, различие высказываний становится возможным, только когда звук приобретает смысл, соединяясь с единичными событиями, откуда и его оценочное измерение, открывающее путь к повтору невоспроизводимых действий. Таким образом, речь-событие является ключом к эмансипации, за счет своей связи с не-тождественностью смысла.

Именно поэтому имеет смысл попытка возвращения к опыту миноритарных языков, чье фундаментальное политическое значение постоянно вытеснялось в общеизвестном повествовании о европейском Новом времени современности и колонизации. По мнению Жан-Жака Лесеркля [Lecerclé & Shusterman, 2002, p. 243], на это стоит обратить особое внимание, т. к. подобным языкам присущи три основные характеристики, и все три происходят как раз из фонологической действительности *структур интенсивности*, которые позволяют им производить маркировку социального интереса. Их структура интенсивности вытекает из их повторяющегося сопротивления (не-тождественности) среде, которую можно считать глоттофагией: 1) она проникает вместе с сильным коэффициентом детерриториализации, как бы заявляя о подавленном прошлом или деформируя настоящее; 2) ее высказывания являются прямо политическими; 3) в ней все обретает коллективную ценность. Эта среда порождает форму миноризации доминирующего языка [Lecerclé, 2004, p. 16; Deleuze, Guattari, 1975]. Такого рода вынужденная «поэтическая» функция языка, производящая разрыв, противостоит как изоляционизму, так и атавизму, и стремится к промежуточному состоянию между ними – к архипелизму или креолизации, которые вполне можно проследить как лингвистические феномены. Речь не открывает бреши в истории, она лишь способна их консолидировать или, напротив – маркировать, чтобы по-другому соотноситься с ними в логике, отличной от логики властвующих над знанием доминирующих дискурсов. Такова связь между жизненным процессом действий по сопротивлению и фиксированием среды передачи, которая конституирует предвосхищающее сознание. Для этой конститутивной связи истории как субъективации наших аффектов, а не как подчинения несуществующим общностям



характерен лингвистический порог, который также является лингвистическим порогом всякой исторической борьбы. Артикуляция речи и действия – это проблема способности к мобилизации, особенно в том, что касается «зон ближайшего развития».

Однако установление этой способности к мобилизации мыслимо только в связи с разрывом, который требуется преодолеть, между локальным знанием базовых ожиданий, связанных с условиями существования, и полным знанием, связанным с производством норм для поддержания порядка. Без этого внимания, обращенного на разрыв, а также на операцию по его преодолению в идеологической среде, задающей способ артикуляции производственных связей, велик риск мобилизовать локальные знания, поскольку они уже перекодированы полным знанием, которое узаконивает статус-кво данного общества. Вот почему удовлетворение нормативных требований социальных акторов требует вступить в противостояния, которые нельзя тотализировать в общем дискурсе, отделенном от социальной конъюнктуры, к которой этот дискурс, тем не менее, отсылает. К прояснению именно этой мысли будут посвящены наши будущие исследования.

### Список литературы

Волошинов, 2010 – *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2093/1/plin-2015-02-34.pdf> (дата обращения: 15.07.2017).

Выготский, 1934 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Соцэкгиз, 1934. 326 с.

Лурия, 1925 – *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 47–80.

Якубинский, 1923 – *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Русская речь. 1923. № 1. С. 96–194.

Якубинский, 1931 – *Якубинский Л.П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. Вып. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 91–104.

Anderson, 1985 – *Anderson S.R.* Phonology in the Twentieth Century. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1985. 384 p.

Angermüller, 2013 – *Angermüller J.* Analyse du discours poststructuraliste : Les voix du sujet dans le langage chez Lacan, Althusser, Foucault, Derrida, Sollers. Limoges: Lambert-Lucas, 2013. 160 p.

Bénédicte, Comtet, 2008 – *Bénédicte V., Comtet R.* Pavel Medvedev – Cercle de Bakhtine, La méthode formelle en littérature. Introduction à une poétique sociologique. Toulouse: PUM, 2008. 380 p.

Bernaz, 2016 – *Bernaz O.* Identité nationale et politique de la langue, Bruxelles: Peter Lang, 2016. 288 p.



Blinov, 2016 – *Блинов Е.Н.* «Социальная инженерия будущего»: Евгений Поливанов о принципах раннесоветского языкового строительства // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. 50. № 4. С. 187–203.

Brandist, 2015 – *Brandist C.* The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. Leiden: Brill, 2015. 300 p.

Brandist, 2005 – *Brandist C.* Marxism and the Philosophy of Language in the 1920s and 1930s // *Historical Materialism.* 2005. Vol. 13. No. 1. P. 63–84.

Deleuze G., Guattari F. 1975 – *Deleuze G., Guattari F.* Kafka. Paris: Minuit, 1975. 160 p.

Ducroit, 1973 – *Ducroit O.* Le Structuralisme en linguistique. Paris: Seuil, 1973. 123 p.

Calvet, 1974 – *Calvet L.-J.* Linguistique et colonialisme. Paris: Payot, 1974. 236 p.

Corvez, 1969 – *Corvez M.* Les structuralistes. Les linguistes, Michel Foucault, Claude Lévi-Strauss, Jacques Lacan, Louis Althusser. Paris: Aubier-Montaigne, 1969. 208 p.

Dosse, 1992 – *Dosse F.* L'histoire du structuralisme. T No. 2: le chant du cygne, Paris: La Découverte, 1992. 587 p.

Dosse, 1991 – *Dosse F.* L'histoire du structuralisme. T 1: Le champ du signe. Paris: La Découverte, 1991, 489 p.

Goldman, 1966 – *Goldmann L.* Sciences humaines et philosophie. Suivi de structuralisme génétique et création littéraire. Gonthier: Paris, 1966. 149 p.

Grenoble, 2003 – *Grenoble L.* Language policy in the Soviet Union. Dodrecht: Kluwer Academic Publisher, 2003. 235 p.

Hemour, 2010 – *Hemour K.A.* La politique linguistique de l'URSS (1917–1991) // *Linguistics*, 2010. 132 p. URL: <http://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00558921> (дата обращения: 14.08.2017).

Honeybone, Salmons 2015 – *The Oxford Handbook of Historical Phonology / Ed. by Honeybone P., Salmons J.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. 812 p.

Lecerclé, 2004 – *Lecerclé J.-J.* Une philosophie marxiste du langage. Paris: PUF, 2004. 210 p.

Lecerclé J.-J., Schusterman R. 2002 – *Lecerclé J.-J., Schusterman R.* L'emprise des signes. Paris: Seuil, 2002. 258 p.

Lévi-Strauss, 1957 – *Lévi-Strauss C.* Anthropologie structurale, Paris: Plon, 1957. 452 p. (

Milner, 2008 – *Milner J.-C.* Le périple structural. Figures et paradigmes. Paris: Verdier, 2008. 384 p.

Paltrinieri, 2012 – *Paltrinieri L.* L'expérience du concept. Michel Foucault entre épistémologie et histoire, Paris : Publications de la Sorbonne, 2012. 298 p.

Percival, 2011 – *Percival K.* Roman Jakobson and the birth of linguistic structuralism // *Sign System Studies.* 2011. No. 39(1). P. 236–260.

Piaget, 1975 – *Piaget J.* L'équilibration des structures cognitives: problème central du développement. Paris: PUF, 1975. 188 p.

Sériot, 2012 – *Sériot P.* Structure et totalité. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 340 p.

Savitsky, 1934 – *Savitsky P.* Die geographischen und geopolitischen Grundlagen des Eurasiertums // *Orient und Occident.* 1934. No. 17. P. 13–19.



- Sériot, 2000 – *Sériot P.* Eurasistes et marristes // Histoire des idées linguistiques. Vol. 3 / Ed. by Auroux S. Liège: Mardaga, 2000. P. 473–499.
- Smith, 1998 – *Smith M.* Language and power in the Creation of URSS. N. Y.: de Gruyter, 1998. 294 p.
- Steiner, 1976 – *Steiner P.* The conceptual basis of Prague structuralism // Sound, Sign and Meaning / Ed. by Matejka L. Michigan: Ann Arbor, 1976. P. 351–385.
- Tobin, 1988 – *Tobin Y.* (ed.) The Prague School and its Legacy. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. 317 p.
- Troubetzkoy, 2005 – *Troubetzkoy N.S.* Principes de phonologie. Paris: Klincksieck, 2005. 396 p.
- van der Hulst, Ewen 2001 – *van der Hulst H., Ewen C.J.* The phonological structure of words. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 275 p.

### References

- Anderson, S. R. *Phonology in the Twentieth Century.* Chicago: University of Chicago Press, 1985. 384 pp.
- Angermüller, J. *Analyse du discours poststructuraliste : Les voix du sujet dans le langage chez Lacan, Althusser, Foucault, Derrida, Sollers.* Limoges: Lambert-Lucas, 2013. 160 pp.
- Bénédicte, V., Comtet, R. *Pavel Medvedev – Cercle de Bakhtine, La méthode formelle en littérature. Introduction à une poétique sociologique.* Toulouse: PUM, 2008. 380 pp.
- Bernaz, O. *Identité nationale et politique de la langue.* Bruxelles: Peter Lang, 2016. 288 pp.
- Blinov, E. N. “‘Social engineering of the future’: Evgeniy Polivanov on the principles of early Soviet language building, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 187–203.
- Brandist, C. “Marxism and the Philosophy of Language in the 1920s and 1930s”, *Historical Materialism*, 2005, vol. 13, no. 1, pp. 63–84.
- Deleuze, G., Guattari, F. *Kafka.* Paris: Minuit, 1975. 160 pp.
- Brandist, C. *The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia.* Leiden: Brill, 2015. 300 pp.
- Calvet, L.-J. *Linguistique et colonialisme.* Paris: Payot, 1974. 236 pp.
- Corvez, M. *Les structuralistes. Les linguistes, Michel Foucault, Claude Lévi-Strauss, Jacques Lacan, Louis Althusser.* Paris: Aubier-Montaigne, 1969. 208 pp.
- Dosse, F. *L'histoire du structuralisme, tome 1: le champ du signe.* Paris: La Découverte, 1991. 489 pp.
- Dosse, F. *L'histoire du structuralisme, tome 2: le chant du cygne.* Paris: La Découverte, 1992. 587 pp.
- Ducroix, O. *Le Structuralisme en linguistique.* Paris: Seuil, 1973. 123 pp.
- Goldman, L. *Sciences humaines et philosophie. Suivi de structuralisme génétique et création littéraire.* Gonthier: Paris, 1966. 149 pp.
- Grenoble, L. *Language policy in the Soviet Union.* Dordrecht: Kluwer Academic Publisher, 2003. 235 pp.



- Hemour, K. A. “*La politique linguistique de l’URSS (1917-1991)*”, *Linguistics*, 2010. 132 pp. [<http://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00558921>, accessed on: 14.08.2017]
- Honeybone, P., Salmons, J. (eds). *The Oxford Handbook of Historical Phonology*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 812 pp.
- Jakubinskij, L. P. “O dialoghicheskoi rech’” [On dialogical speech], *Ruskaya rech’*, 1923, no. 1, pp. 96–194. (In Russian).
- Lecerle, J.-J. *Une philosophie marxiste du langage*. Paris: PUF, 2004. 210 pp.
- Lecerle, J.-J., Schusterman R. *L’emprise des signes*. Paris: Seuil, 2002. 258 pp.
- Lévi-Strauss, C. *Anthropologie structurale*. Paris: Plon, 1957. 452 pp.
- Luria, A. P. “Psyhoanaliz kak sistema monisticheskoi psihologii” [Psychoanalysis as a System of Monological Psychology], in: Kornilov K. N. (ed.) *Psihkhologia i Marksizm*, Leningrad: Giszdat, 1925, pp. 47–80. (In Russian)
- Milner, J.-C. *Le périple structural. Figures et paradigmes*. Paris: Verdier, 2008. 384 pp.
- Paltrinieri, L. *L’expérience du concept. Michel Foucault entre épistémologie et histoire*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2012. 298 pp.
- Percival, K. “Roman Jakobson and the birth of linguistic structuralism”, *Sign System Studies*, 2011, no. 39(1), pp. 236–260.
- Piaget, J. *L’équilibration des structures cognitives: problème central du développement*. Paris: PUF, 1975. 188 pp.
- Savitsky, P. “Die geographischen und geopolitischen Grundlagen des Eurasientums“, *Orient und Occident*, 1934, no. 17, pp. 13–19.
- Sériot, P. “Eurasistes et marristes“, in: Auroux S. (ed.), *Histoire des idées linguistiques*, T. 3, Liège: Mardaga, 2000, pp. 473–499.
- Sériot, P. *Structure et totalité*. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 340 pp.
- Smith, M. *Language and power in the Creation of URSS*. New York: de Gruyter, 1998. 294 pp.
- Steiner, P. “The conceptual basis of Prague structuralism”, in: Matejka L. (ed.), *Sound, Sign and Meaning*, Michigan: Ann Arbor, 1976, pp. 351–385.
- Tobin, Y. (ed.) *The Prague School and its Legacy*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. 317 pp.
- Troubetzkoy, N. *Principes de phonologie*. Paris: Klincksieck, 2005. 396 pp.
- Van der Hulst, E. *The phonological structure of words*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 275 pp.
- Voloshinov, V. *Marksizm i filosofija jazyka* [Marxism and Philosophy of Language]. Limoges: Lambert-Lucas, 2010. 600 pp. (Bilingual Edition in Russian and in French).
- Vygotski, L. S. *Myshlenie i rech’* [Thought and Language]. Moscow: GSEI, 1934. 326 pp. (In Russian).
- Yakubinki, L. F. “De Sossyur o nevozmozhnostiazykovoi politiki” [F. de Saussure on the impossibility of the language policy], *Jazykovedenie i materializm*, 1931, iss. 2. Moscow; Leningrad: Gosizdat, pp. 91–104. (In Russian)